

Оскар
УАЙЛД
(1854-1900)

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Оскар
УАЙЛЬД

*Портрет
Дориана Грея*

Роман
Пьесы
Повести
Сказки
Афоризмы

Москва

ЭКСМО
2015

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
У 13

Перевод с английского, предисловие,
примечания *В. Чухно*

Оформление серии *Е. Соколовой*

Уайльд О.

У 13 Портрет Дориана Грея : роман, повести, пьесы, сказки, афоризмы / Оскар Уайльд ; [пер. с англ. В. Чухно, М. Благовещенской]. — М. : Эксмо, 2015. — 672 с. — (Зарубежная классика).

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

Редакторы *Ю. Кулишенко, И. Коновалова*
Художественный редактор *Н. Ярусова*. Подбор иллюстраций *Л. Рофварга*

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству
РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 08.12.2014. Формат 84x108¹/₃₂.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 35,28.
Доп. тираж 3000 экз. Заказ

ISBN 978-5-699-38166-1

ISBN 978-5-699-38166-1

© Предисловие, перевод, примечания.
ООО Издательство «Артнет Медиа», 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

«Я всего лишь гений...»

же почти сто лет литературные критики не могут решить, относить ли Оскара Уайльда к великим писателям или нет. Любопытно, что в декабре 1900 года, хотя не прошло и недели со дня его смерти, английская газета «Пэлл-Мэлл» сочла возможным написать: «Мистер Уайльд, конечно, обладал уникальными интеллектуальными способностями, но вряд ли хоть что-нибудь из его литературного наследия выдержит испытание временем». Без малого тридцать лет спустя, в 1927 году, английский литератор Арнольд Беннет в одной из своих статей назвал и Оскара Уайльда, и его литературный стиль «безнадежно устаревшими», хотя скрепя сердце и признался: «Книги Уайльда, пусть он и не был первоклассным писателем, доставляли мне в ранней молодости, как и многим другим простодушным юнцам, огромное удовольствие». И даже через полвека после смерти писателя, в 1950 году, литературное приложение к газете «Таймс» могло позволить себе такого рода высокомерную оценку его творчества: «Если не считать одной неплохой пьесы и исповеди De Profundis, Уайльд не оставил после себя ничего такого, что можно было бы признать настоящей литературой».

Кто теперь помнит имена авторов подобных публикаций? А вот имя Оскара Уайльда знает весь мир, и всё новые и новые поколения читателей восхищаются его произведениями. Его книги издаются огромными тиражами на многих языках мира, включая такие достаточно экзотические, как каталанский и арабский, идиш и китайский. Едва ли проходит день, чтобы его остроумные афоризмы не цитировались в прессе; его пьесы не сходят со сцен театров многих городов и постоянно экранизируются. Популярность Оскара Уайльда, несмотря на все прогнозы литературоведов, феноменальна и, пожалуй, необъяснима, даже парадоксальна, как, впрочем, и всё, что связано с именем этой удивительной и яркой личности.

Английский, а точнее ирландский поэт, драматург и романист Оскар Фингал О'Флаэрти Уиллз Уайльд (таково его полное имя) появился на свет 16 октября 1854 года в главном городе Ирландии Дублине. Его родители были талантливыми и извест-

ными в своё время людьми: отец, Сэр Уильям Уайльд (1815—1876), занимался врачебной практикой, а свободное время отдавал увлечению этнографией и прославился как автор книги «Популярные ирландские легенды и поверья» (1852), а мать, Леди Джейн Франческа Уайльд (1820—1896), весьма эксцентричная дама, писала стихи, которые, наряду со статьями, пробуждавшими патриотические чувства в соотечественниках-ирландцах, публиковала в различных дублинских изданиях. Кроме того, она была известна как хозяйка модного светского салона сначала в Дублине, а затем, после переезда в Англию в 1876 году, и в Лондоне. В 1887 году, как бы продолжая дело, начатое ею тогда уже покойным мужем, она издала книгу «Древние легенды, мистические заклинания и поверья Ирландии».

Будущий писатель после окончания начальной школы учился в колледже Святой Троицы в Дублине (1864—1869), получив там золотую медаль за успехи в греческом языке, а в возрасте 20 лет поступил в Оксфордский университет, где с 1874 по 1879 год был студентом колледжа Святой Магдалены, известного своими академическими традициями. Уже в университетские годы он поражал собратьев-оксфордцев своим остроумием, экстравагантной манерой держать себя, своим неприятием закоснелой, ханжеской морали того времени. Он приобрел также репутацию главы так называемого «Эстетического движения», исповедовавшего культ «искусства для искусства». Уайльд пошел даже дальше—он поклонялся красоте ради красоты, заполняя комнаты, в которых жил, голубым фарфором, павлиньими перьями, причудливыми картинами Россетти и Бёрн-Джонса. Он открыто презирал модное среди студентов увлечение спортом, хотя сам и был высоким, широкоплечим юношей атлетического телосложения. Напускаемый им на себя скучающий, томно-праздничный вид был просто маской: несмотря на частые высказывания о своей ненависти к любого рода труду и неспособности делать усилия, в том числе и умственные, он на самом деле очень много читал, иногда засиживаясь до утра за книгой, и, создавая иллюзию, будто ему всё дается без труда, удивлял всех своей эрудицией.

Одевался Оскар Уайльд вызывающе экстравагантно. В те годы в Британии был принят традиционный, сдержанный стиль одежды; выделяться среди других считалось неслыханной дерзостью. Уайльд же щеголял в отороченной тесьмой бархатной куртке, бархатных бриджах до колен, черных шелковых чулках, свободной, из мягкой ткани рубашке с широким отложным воротником, на его грудь ниспадал яркий шейный платок. Шокирован-

ные прохожие провожали его негодующими и в то же время исполненными любопытства взглядами.

Начало литературной деятельности Оскара Уайльда приходится на 1881 год, когда он выпустил за свой счет сборник стихотворений. Книга не принесла ему ни известности, ни денег, и он, чтобы поправить свое финансовое положение, отправляется в 1882 году в лекционное турне по Северной Америке. Прибыв в США, он, на вопрос таможенника «Имеете ли вы что-нибудь предъявить для досмотра?», произнес фразу, вскоре ставшую знаменитой: «Только лишь свою гениальность».

Этот молодой лондонский денди и утонченный эстет умудрился за 260 дней путешествия с востока на запад Соединенных Штатов, а затем и по Канаде прочесть 140 лекций — поразительное количество, если учесть, что ни самолетов, ни скоростных поездов тогда не было. Но он всегда представлял перед публикой с видом этакого праздного франта и поражал слушателей своей эксцентричностью и нетрадиционными взглядами на искусство, литературу и жизнь, убеждая их, что вернейший путь к обновлению жизни — через возрождение красоты и эстетических идеалов. Его встречали по-разному, но в целом поездка прошла успешно, и в Америке после его отъезда осталось достаточно много последователей его эстетического учения.

В 1883 году в Нью-Йорке была поставлена первая пьеса Уайльда «Вера, или Нигилисты» на сюжет из русской жизни, и автор присутствовал на первом ее представлении, но особого успеха эта драма не имела. Там же, в Америке, была впервые напечатана (всего в двадцати экземплярах) трагедия в стихах «Герцогиня Падуанская» (1883), которую Оскар Уайльд написал специально для затронувшей его сердце примадонны американского театра Мэри Андерсон, однако актриса отказалась играть в пьесе.

В 1884 году в Лондоне состоялось венчание Оскара Уайльда и Констанс Мэри Ллойд, дочери известного ирландского адвоката Хораса Ллойда. Оскар был романтически влюблен в свою молодую красавицу жену и несколько лет чувствовал себя безмерно счастливым. В 1885 году он стал отцом — первенца называли Сирилом; в 1887 году у них родился второй сын, Вивиан.

Интересно отметить, что до женитьбы Уайльд писал в основном поэзию, а с тех пор, как обзавелся семьей, стал отдавать предпочтение прозе. В 1888 году выходит сборник его сказок «Счастливый принц» и другие истории — первая из книг писателя, привлечших серьезное внимание критики и интерес широкого читателя. Эти истории скорее можно назвать стихотворениями в прозе, чем детскими сказками как таковыми, однако они стали популярными не только среди взрослых, но и среди детей.

Когда вышла вторая книга сказок «Гранатовый домик» (1891), рецензенты были и вовсе озадачены: вроде бы сказки предназначались для детей, но ни один ребенок, как выяснилось, не мог их понять. И в самом деле, сказки эти скорее были обращены к взрослому читателю. Однако книга еще более закрепила успех, который принес Уайльду первый сборник.

И всё же подлинная слава пришла к Уайльду только после того, как в 1891 году увидел свет его единственный роман «Портрет Дориана Грея». Его имя сразу же засияло на литературном небосклоне словно яркий, многоцветный метеорит. Роман, отразивший весьма своеобразные эстетические воззрения писателя, вызвал негодующие отклики критиков и единодушное осуждение английской прессы, зато был с восторгом принят читателями и за изобилующие в нем остроумные, часто парадоксальные афоризмы, и за увлекательный полуфантастический сюжет, и за сатирическое изображение высшего общества. В своей книге «Жизнь Оскара Уайльда» Хескет Пирсон рассказывает любопытную историю о том, как у писателя возник замысел романа: «В 1884 году Уайльд имел обыкновение заглядывать в мастерскую художника Бэзила Уорда, одним из натурщиков которого был юноша поразительной красоты... После завершения портрета юноша удалился, и Уайльд воскликнул:

— Ах, как жаль, что такое прекрасное существо рано или поздно состарится!

— Увы, — согласился живописец, а затем добавил: — Как было бы чудесно, если бы его внешность никогда не изменялась, а вместо него старился и покрывался морщинами его портрет!

Оскар Уайльд выразил своему другу признательность за идею, дав художнику в романе имя Бэзил Холлуорд».

В последующие годы Уайльд создает одну за другой блестящие, искрящиеся эксцентричным юмором, полные забавных ситуаций комедии «Веер леди Уиндермир» (1892), «Женщина, не стоящая внимания» (1893), «Идеальный муж» (1895) и «Как важно быть серьезным» (1895). Все эти пьесы имели огромный успех как при первом появлении на сцене, так и впоследствии. Да и сейчас они неизменно привлекают в театры самую широкую публику.

Когда в лондонском театре Сент-Джеймс состоялась премьера первой из этих комедий, «Веер леди Уиндермир», и восторженные зрители стали выкрикивать: «Автора! Автора!», на сцену вышел Уайльд, небрежно держа в облаченной в перчатку руке сигарету, и обратился к публике с такими словами:

— Леди и джентльмены! Сегодняшний вечер доставил мне огромное удовольствие. Актеры играли очаровательно и суме-

ли в полной мере показать нам достоинства этой восхитительной пьесы, а вы, со своей стороны, оказались достаточно понятливы, чтобы оценить их. Я поздравляю вас с тем огромным успехом, который вы сегодня имели как зрители, убедив меня в том, что вы о пьесе почти столь же высокого мнения, как и я сам».

Публика, конечно, была шокирована, и когда спустя год в театре Хеймаркет состоялась премьера второй его комедии «Женщина, не стоящая внимания», и зрители после окончания спектакля снова вскочили с мест, требуя автора, Уайльд, помня о скверном впечатлении, произведенном его речью в прошлый раз, встал со своего места в боковой ложе и провозгласил:

— Леди и джентльмены, с сожалением должен сообщить вам, что мистер Оскар Уайльд сегодня в театре не присутствует.

Да, экстравагантным и эксцентричным Уайльд оставался всю жизнь, и это видно по его произведениям, но мало кто знает, насколько великолепным был он собеседником. В 1954 году, спустя более чем полвека после смерти Уайльда, английский писатель и карикатурист Сэр Макс Бирбом, которому в это время было 82 года, вспоминал: «Я имел счастье слушать многих мастеров застойной беседы — Мередита и Суинберна, Эдмунда Госса и Генри Джеймса, Гилберта Честертона и Хилери Беллока, — и каждый из них был по-своему великолепен, но Оскар превосходил их всех: это были импровизации, но они были совершенны, его слова ласкали слух, но в то же время поражали оригинальностью. Когда он говорил, все сидели затаив дыхание, боясь нарушить музыку, исполняемую столь великим виртуозом».

Недаром Уинстон Черчилль, когда его спросили, с кем бы он хотел встретиться и поговорить на том свете, без колебаний ответил: «С Оскаром Уайльдом». Смеем надеяться, что эта его мечта осуществилась.

В промежутке между написанием первых своих двух комедий Оскар Уайльд некоторое время жил в Париже, где сочинил на французском языке пьесу на библейскую тему «Саломея» (1893). Пьеса произвела огромное впечатление на великую французскую актрису Сару Бернар, и премьера спектакля с нею в заглавной роли должна была состояться в лондонском театре «Палас». Однако лорд-гофмейстер королевского двора не дал разрешения на постановку на том основании, что закон запрещает представление на английской сцене пьес, в которых действуют библейские персонажи. Уайльд был настолько возмущен, что заявил о своем намерении отказаться от британского подданства и стать гражданином Франции, где не было такого рода ограничений. Остается только сожалеть — в свете того, что произошло с писателем впоследствии, — что он не исполнил

своей угрозы. Премьера пьесы все же состоялась — в 1896 году в Париже. Саломею играла Сара Бернар. А автор пьесы сидел в это время в тюрьме.

На скамью подсудимых Уайльда привела пылкая дружба с юным лордом Альфредом Дугласом (1870 — 1945), который, кстати сказать, перевел «Саломею» на английский язык. Лорд Дуглас был в скверных отношениях со своим отцом, маркизом Квинзберри, а тому не нравилась дружба его сына с Уайльдом, и он публично оскорбил писателя, обвинив его в содомии. По настоянию, а скорее наущению своего юного друга, который хотел использовать писателя для сведения своих счетов с отцом, Уайльд подал в суд на маркиза, но сам угодил на скамью подсудимых. Суд обвинил Оскара Уайльда в гомосексуализме и в 1895 году приговорил его к двум годам заключения в тюрьме строгого режима.

Знаменитый писатель, утонченный эстет — и тюрьма строгого режима! Да еще по обвинению в преступлении, которое давно уже таковым не считается и сейчас признается чуть ли не нормой! Оскар Уайльд вышел на свободу в 1897 году, сломленный и физически, и морально. От него практически отказалась семья, сменив фамилию на Холланд, потому что с фамилией Уайльд их даже отказывались поселить в гостинице, когда его жена с сыновьями ездила на отдых в Швейцарию. Произведения Уайльда не печатали, все его пьесы сняли со сцены, и он, лишившись здоровья и денег, был вынужден уехать во Францию, где и прожил остаток своих дней чуть ли не в нищете и часто впроголодь, ютясь в крошечной комнатке жалкой парижской гостиницы, которая не заслуживает даже того, чтобы упоминать ее название.

Своеобразным итогом его пребывания в тюрьме явились два замечательных произведения — «Баллада Рэдингской тюрьмы» (1898) и посвященная его другу лорду Дугласу и обращенная к нему исповедь «De Profundis» (что в переводе с латыни означает «Из глубин»), напечатанная с сокращениями через пять лет после смерти Уайльда, в 1905 году. Полный текст «De Profundis» был опубликован лишь в 1962 году.

Оскар Уайльд был с рождения протестантом, но всю свою жизнь его привлекала религиозная мистика и католическая вера. Перед самой своей смертью, в 1900 году, он был принят в лоно католической церкви и обрел вечный покой на парижском кладбище Пер-Лашез, где его останки покоятся и поныне.

В. Чухно

Предисловие

удожник — тот, кто создает прекрасное.

Раскрыть творение и скрыть творца — вот к чему должно стремиться искусство.

Критик — это тот, кто способен в новой форме или новыми средствами передать свое впечатление от прекрасного.

Высшая, как и низшая, форма критики — один из видов автобиографии.

Те, кто в прекрасном видят уродливое, — люди безнравственные, но безнравственность не делает их привлекательными. Это порок.

Те, кто в прекрасном замечают какую-то красоту, — люди нравственные. Они не полностью безнадежны. Но лишь избранные видят в прекрасном одно — красоту.

Нет книг нравственных или безнравственных. Книги или хорошо написаны, или плохо. Вот и все.

Ненависть девятнадцатого века к Реализму — это ярость Калибана*, увидевшего себя в зеркале.

Ненависть девятнадцатого века к Романтизму — это ярость Калибана, не видящего себя в зеркале.

Для художника нравственная жизнь человека — лишь одна из тем его творчества. Нравственность же искусства — в совершенном применении несовершенных средств. Художник не стремится что-то доказывать. Доказать можно даже неоспоримые истины.

У художника не может быть этических пристрастий. Этические пристрастия художника порождают непростительную манерность стиля.

У художника не может быть болезненного воображения. Художнику дозволено изображать всё.

Мысль и Слово для художника — средства Искусства.

Порок и Добродетель для художника — материал для Искусства.

* *Калибан* — получеловек, полуживотное в пьесе Шекспира «Бурия». (Здесь и далее примечания переводчика).

Если говорить о форме, эталон для всех искусств — искусство музыканта. Если говорить о чувстве — искусство актера.

Всякое искусство поверхностно и в то же время символично. Те, кто пытаются проникнуть глубже поверхности, идут на риск. Те, кто пытаются разгадать символы, тоже рискуют.

Искусство — это зеркало, но отражает оно не жизнь, а зрителя.

Если произведение искусства вызывает споры,— значит, в нем есть нечто новое, сложное и значительное.

Если критики расходятся во мнениях,— значит, художник остался верен самому себе.

Можно простить человеку создание полезной вещи, если только он ею не восторгается. Но того, кто создает бесполезную вещь, может оправдать лишь безмерное восхищение своим творением.

Всякое искусство совершенно бесполезно.

Оскар Уайльд

Глава I

Студию наполняло пьянящее благоухание роз, а когда по деревьям сада пробегал легкий летний ветерок, через открытую дверь доносился густой запах сирени, перемежаемый с более нежным ароматом розовых цветков боярышника.

На покрытом персидскими чепраками диване лежал лорд Генри Уоттон, по обыкновению куря одну за другой бесчисленные папиросы; через проем двери ему был виден объятый желтым пламенем цветения куст ракитника, сплошь увешанный длинными, вздрагивающими при каждом движении воздуха кистями душистых, как мед, цветков, золотым дождем струящихся с тонких веток, гнущихся под тяжестью этого сверкающего великолепия; время от времени по длинным шелковым занавесям, закрывающим огромных размеров окно, проносились причудливые тени пролетающих птиц, на мгновение создавая иллюзию японских рисунков, и мысли лорда Генри обращались к желтолицым художникам Токио, неустанно стремящимся передать впечатление стремительного движения средствами искусства, по природе своей статичного. Монотонное гудение пчел, с трудом проталкивающих через высокую нескошенную траву или с неустанной настойчивостью кружащих над осыпанными

золотой пылью цветками буйно разросшейся жимолости, казалось, делало тишину еще более гнетущей. Глухой шум Лондона напоминал непрерывно звучащую басовую ноту отдаленного органа.

Посреди комнаты стоял на мольберте портрет во весь рост молодого человека необыкновенной красоты, а перед мольбертом, на небольшом от него расстоянии, сидел и сам художник, Бэзил Холлуорд, чье внезапное исчезновение за несколько лет до этого так взволновало общество и породило массу самых невероятных предположений.

Художник смотрел на искусно воссозданный им на полотне образ грациозного, прекрасного юноши, и довольная улыбка не сходила с его лица. Затем он внезапно вскочил и, закрыв глаза, прижал пальцы к векам, будто стараясь удержать в памяти какой-то удивительный сон и боясь пробудиться.

— Это лучшее твоё произведение, Бэзил, самое замечательное из всего, что ты до сих пор написал,— томно проговорил лорд Генри.— Тебе обязательно нужно послать его в следующем году на выставку в Гроувенор*. В Академию не стоит: у них слишком много полотен и слишком мало вкуса. Когда ни придешь туда, там или столько людей, что не увидишь картин,— и это ужасно,— или же столько картин, что не увидишь людей, а это еще хуже. Нет, только в Гроувенор, и никуда больше.

— А я вообще не собираюсь его выставлять,— отозвался художник, откинув назад голову в свойственной ему странной манере, над которой, бывало, подтрунивали его товарищи в Оксфордском университете.— Нет, никуда я его не пошлю.

Подняв брови, лорд Генри удивленно взглянул на Бэзила сквозь голубой дым, причудливыми тонкими кольцами поднимавшийся от его щедро пропитанной опиумом папиросы.

— Никуда не пошлешь? Но почему, мой дорогой? Что за причина? Станный вы народ, художники! Из кожи вон лезете, чтобы добиться известности, но, как только она приходит, не ставите ее ни в грош. Право же, это глупо! Конечно, плохо, когда о тебе говорят на каждом углу, но еще хуже, когда о тебе вовсе не говорят. Этот портрет вознес бы тебя, Бэзил, намного выше всех молодых художников Англии, а у старых вызвал бы чувство зависти, если старики вообще способны испытывать какие-то чувства.

* *Гроувенор* — частная картинная галерея в Лондоне.

— Знаю, ты станешь надо мной смеяться,— отозвался художник,— но я и в самом деле не могу его выставить... Слишком много я вложил в него самого себя.

Лорд Генри расхохотался, поудобнее устраиваясь на диване.

— Ну вот, я так и знал, что ты будешь смеяться, и тем не менее это правда.

— Слишком много самого себя? Ей-богу, Бэзил, я и не подозревал в тебе такого самомнения. Я не вижу ни малейшего сходства между тобой, крепко скроенным мужчиной с крупными, волевыми чертами лица, с черными, как смоль, волосами, и этим юным Адонисом, словно сотворенным из точеной слоновой кости и лепестков роз. Пойми, дорогой Бэзил, он — Нарцисс, а ты... Ну конечно, лицо у тебя интеллектуальное, и все такое. Но красота, подлинная красота, кончается там, где начинается интеллектуальность. Интеллект уже сам по себе аномалия, ибо нарушает гармонию лица. Стоит человеку сесть и о чем-то задуматься, как у него непропорционально вытягивается нос, или увеличивается лоб, или с лицом происходит еще что-нибудь ужасное. Взгляни-ка на выдающихся личностей любой ученой профессии — до чего же они уродливы! Исключение составляют, пожалуй, одни лишь церковники, но они ведь никогда не утруждают своих мозгов. Восьмидесятилетний епископ продолжает утверждать те же истины, которым его научили, когда он был восемнадцатилетним юнцом, поэтому неудивительно, что на него всегда приятно смотреть. Твой таинственный юный друг, чье имя, кстати, ты мне никогда не называл, но чей портрет меня так завораживает, вряд ли когда-нибудь о чем-либо думает. Я совершенно в этом уверен. Он безмозглое, очаровательное существо, на которое всегда было бы приятно смотреть зимой, когда нет цветов, и летом, когда захочется остудить разгоряченный мозг. Не льсти себе, Бэзил: ты ничуть на него не похож.

— Ты меня не так понял, Гарри,— ответил художник.— Разумеется, я на него не похож, и я это отлично знаю. Да мне бы и не хотелось быть на него похожим. Ты пожимаешь плечами? А между тем я говорю вполне искренне. В судьбе людей, физически или интеллектуально превосходящих других, есть что-то роковое; это своего рода фатум, который на протяжении всей истории словно преследует королей, вынуждая их делать неверные шаги. Гораздо безопаснее ничем не отличаться от других. В этом мире всё лучшее достается глупцам